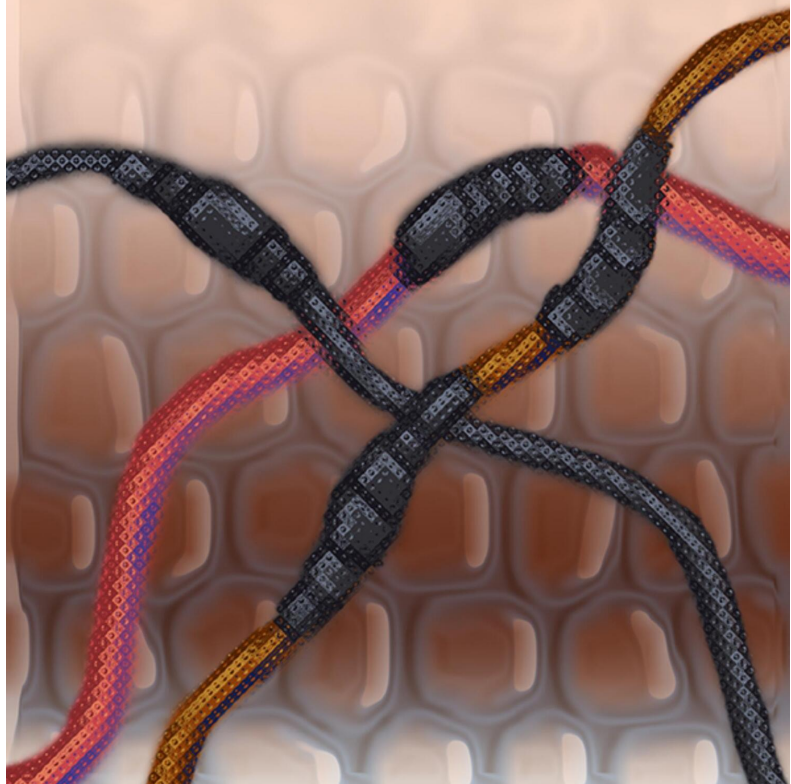

Юлия Твинк

ИЗОЛЕНТА ВРЕМЕНИ

Юлия Твинк
Изоленга времени

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70495066

SelfPub; 2024

Аннотация

Наступила ядерная зима. Человечество практически уничтожено. Есть ли выход из этой ситуации?

Юлия Твинк

Изолента времени

Индикатор на пульте замигал зеленым. Мозес, лысеющий ученый средних лет, переключил систему на вход. В углу плохо освещенной лаборатории, в темпоральной камере, материализовался человек. Это был Глеб Гольцев. Когда-то прозрачная крышка отъехала, открывая худое лицо молодого человека. Его темные волосы растрепались, а глаза сверкали раздражением. Он был одет в полосатый костюм прошлого века.

– Ну что? – спросил Глеб.

– Подожди, сейчас сравню матрицы, – Мозес поправил очки и поспешил к вычислительной машине, занимавшей четверть комнаты. Но тут же споткнулся об один из многочисленных кабелей.

– К черту твои матрицы! Что там снаружи? – нетерпеливо спросил Глеб.

Мозес кивнул, вернулся к пульту и включил камеру внешнего наблюдения. Небольшой экран засветился. Через несколько секунд прорисовалось изображение полуразрушенного города. Обломки старого мира мерцали мертвым льдом. Последствия ядерной катастрофы смотрелись слишком привычно. Мозес поспешил выключить печальный вид.

– Я так и знал. Твоя затея – ерунда. Я больше не буду ны-

рять, – Глеб снял шляпу и отшвырнул ее в угол с мусором. Коробка с отработанными пластинами перевернулась, и они вывалились на пол.

– Подожди! Давай проверим, – раздраженно сказал Мозес. Он не был чистюлей, но эпатаж друга ему не понравился.

Мозес подошел к машине и вынул две матрицы. На одной содержалась история до темпорального путешествия, а на второй – текущая. Мозес вставил их в гнездо стоящего рядом небольшого компьютера и запустил сравнительный анализ. Друзья наблюдали за движением полоски-индикатора молча и внимательно, будто это зрелище было увлекательным. Наконец «червячок» дополз, и на экране высветились данные. Пока Глеб вчитывался, Мозес быстро пробежал текст глазами и подвел итог:

– Так. Ты устранил Нельсона, премьер министра Англии. Дата начала второй мировой была 1943 год. Сейчас во главе оказался Адольф Гитлер. Германия – 1937-й. Следующая цель – он.

– Нет, я сыт по горло этими убийствами. Меняются имена, страны, даты. Не меняются лишь Вторая мировая и ядерная зима, как будто это нечто предрешенное, – Глеб отвернулся, намереваясь уходить, но потом повернулся и добавил сердито. – Ты зря соорудил свою машину времени. Она ничего не меняет. Это какая была по счету операция? Тридцать девятая? Сороковая? Сколько еще нужно пробовать, чтобы понять: твоя теория не верна. Мы не можем изменить историю.

Только детали!

– Постой! – Мозес поспешно схватил друга за плечо. – Мы не можем все бросить. Это слишком важно. Я не знаю других способов исправить ошибки предков и дать человечеству еще один шанс. Земля будет восстанавливаться слишком долго. Через несколько поколений мы вымрем! – на последней фразе Мозес дал петуха от волнения.

– Я слышал это миллион раз и тоже переживаю за судьбу человечества, но твой метод не работает. Это все бесполезно, – сказал Глеб, с издевкой глядя в глаза.

– Рано или поздно получится. Нужно пробовать, – произнес Мозес настойчиво, как учитель ребенку.

– Ты знаешь? Я ухожу. С тобой невозможно разговаривать. Ты не слышишь никого, кроме себя, – Глеб резко развернулся и вышел, громко хлопнув дверью, и отправился на кухню. Ему причитался бонус за выполнение задания: обогащенный белками ужин и крепкая настойка. По дороге Глеб думал о том, как все обветшало в их укрытии. Трещин на плиточном поле все больше, а желающих убрать паутину с потолка все меньше. У людей почти не осталось надежды – не осталось и желания что-то менять.

В глубине души Гольцев знал, что рано или поздно даст Мозесу себя уговорить, ведь ему ничего другого не оставалось в этом полуразрушенном мире без будущего. Но сейчас он был раздражен и хотел, чтобы его оставили в покое.

Глеб зашел в помещение, подошел к окну распределителя

и приложил большой палец с идентификационным чипом к маленькому сканеру. Когда-то после считывания чипа зажегся зеленый светодиод, но он недавно перегорел, поэтому о работе распределителя можно было узнать только по звуку. Глеб забрал праздничный, если его можно так назвать, ужин и отправился к себе в комнату.

Они жили в подземном бункере, который был специально разработан и построен для исследований. Помимо Мозеса и Глеба в подземном убежище находились и другие люди. Они все были потомками ученых, работавших в лаборатории и сумевших пережить ядерный катаклизм благодаря особой конструкции здания: двойные бетонные стены, собственный генератор энергии и запас продовольствия. Полностью замкнутая система жизнеобеспечения.

Лет пятьдесят назад, когда стало ясно, что война приобретает катастрофический размах, группа ученых и богатых энтузиастов запустили проект «машина времени». Но на реализацию ушло много времени. Лишь недавно, лет пять назад, благодаря Александру Мозесу удалось закончить разработку. Теперь они регулярно отправлялись в прошлое, чтобы предотвратить катастрофу. Вначале возможность все исправить вызывала большое воодушевление у всего их маленького сообщества. Затем первая неудача. Примерно после пятнадцатой попытки люди перестали верить. Наконец ушла даже надежда. Глеб был последним добровольным темпонафтом, но у него тоже заканчивалось терпение.

Глеб поднялся по обшарпанной металлической лестнице к жилым комнатам. Все уже спали. Он уныло посмотрел на холл: после внешнего благополучия прошлого их приют казался особенно мрачным и непривлекательным. Все, что могло проржаветь, проржавело, краска облупилась, бесконечные провода покрылись пылью и, казалось, держались на одной изолянте. Глеб вошел в спальню, сделал несколько больших глотков настойки, лег в кровать не раздеваясь, закутался в одеяло и заснул.

Мозес не спал. Он нервно ходил по лаборатории, пытаясь найти решение. Ученый давно подозревал то, о чем Глеб наконец-то сказал вслух: «Мы не можем изменить прошлое. Только детали». Все это время он отгонял от себя эту мысль, чтобы не впасть в отчаяние. Нужно было что-то придумать, найти что-то, что они упустили из виду, не заметили.

«Спокойно, – уговаривал себя Мозес, – еще раз подумай. Подумай! Мы пробовали убивать лидеров, идеологов, командиров, и каждый раз на их месте оказывался кто-то другой. И каждый раз эта гребаная война повторялась. И каждый раз чьи-то нервы не выдерживали, и начиналась ядерная катастрофа. Как будто фашизм – это какая-то зараза в воздухе, которым заболели сразу все. Но мы не можем убить всех, не можем. Да и глупо это. Мы же хотим всех спасти».

Тут взгляд ученого упал на атомный распределитель энергии:

«Нет, только не это! А как же научно-технический про-

гресс? Мы же откатимся назад!» – он огляделся вокруг, будто в поиске доказательств необходимости прогресса, но не увидел ничего, кроме тусклой и захламленной лаборатории.

Утром Мозес постучал в комнату Глеба. Он выглядел уставшим. Красные глаза и жидкие волосы торчком неприятно удивили Глеба, привыкшего видеть друга аккуратным.

– Я определил твою следующую цель. На этот раз должно сработать.

– Я не пойду на задание, иди сам, – ответил Глеб недовольно: он не выспался, к тому же ему полагался перерыв.

– Я бы пошел сам, но кроме меня никто не сможет провести человека в нужное время безопасно. Ты же знаешь, сколько крыс я убил, пока отработал все нюансы. Ты нужен мне.

– Я не твоя крыса. Я больше не верю тебе, – Глеб демонстративно отпил большой глоток из вчерашней бутылки.

– Послушай, ты даже не знаешь, какова цель. Это сто процентов сработает, – Мозес произнес это с такой обреченностью, что Глебу даже стало его жалко.

– И какая же цель? – как можно ехиднее постарался спросить темпонафт.

– Герберт Джордж Уэллс.

– Ты спятил!? – Глеб уронил бутылку с остатками настойки на пол, – Причем здесь этот ученый?

– Глеб, ты сам говорил, мы можем изменить только детали в прошлом. Давай подумаем логически. Что уничтожило

наш мир?

– Фашизм.

– Да, конечно, фашизм. Но как именно? – Мозес прищурил глаза.

– Они устроили вторую мировую и использовали ядерное оружие. По ним дали ответ. Мы называем тот период ядерным катаклизмом.

– Правильно, – Мозес немного приободрился, – а что, если мы сделаем так, что наш знаменитый Уэллс не откроет радиацию в 1888 году?

– Ее откроет кто-то другой, но позже.

– Вот именно, позже. У фашистов не будет ядерного оружия, и вторая мировая закончится как обычная война.

– Ну, тогда война тоже начнется позже, – ответил Глеб разочарованно.

– Так мы же не будем убивать лидера. Войну начнет Гитлер плюс минус в тоже время. Это может сработать.

Глеб посмотрел на друга. Его глаза горели энтузиазмом. Было похоже, что он действительно надеялся и верил.

– А как же наши технологии? Ведь развитие замедлится.

– Я сделал свой выбор, Глеб. Оглядишься вокруг и сделай свой. Я буду ждать твоего решения внизу.

Мозес вышел и закрыл за собой дверь. Он был уверен, что Глеб Гольцев примет правильное решение.

Действительно, через полчаса темпонафт вошел в лабораторию. Он был готов для очередного прыжка в прошлое. Об-

говорив детали, Глеб залез в криокамеру. Мозес помог ему пристегнуться, проверил еще раз состояние блоков, вставил матрицу текущего прошлого для сравнения ее с будущим прошлым, подошел к своему пульта и начал отсчет:

– Десять, девять ... три, два, один.

* * *

Яркий солнечный блик, отразившись от монитора, заставил Мозеса подняться. Он подошел к окну, посмотрел на мир с двадцать второго этажа и опустил жалюзи. В дверь постучали.

– Войдите, – сказал Мозес как можно громче. Ему не хотелось идти через весь кабинет.

Дверь открылась. На пороге стоял молодой человек. В руках он держал письмо.

– Здравствуйте, вы Александр Мозес? – спросил он, глядя на конверт.

– Да. Что вы хотели? – ответил Мозес с энтузиазмом: ему подумалось, что прибыл курьер с долгожданным атомным хронометром.

– Я Сергей Гольцев, праправнук Глеба Гольцева. Он оставил вам письмо в наследство.

– Гольцев! Знакомая фамилия, – Мозес задумался, – кажется, так звали друга моего отца, но он давно умер, и у него, кажется, не было детей.

– Наверное, это совпадение. Мой отец еще жив, и он вас не знает.

– Скорее всего. Но тогда я вообще ничего не понимаю, – Мозес удивленно посмотрел на Сергея.

– Я тоже. Я вообще был уверен, что вас не существует, что мой предок спятил перед смертью. Он оставил письмо человеку, который еще не родился, но обязательно должен быть ученым и работать в институте в этом городе. Причем на конверте стоит год вместо адреса. Вот, посмотрите.

На пожелтевшем конверте старого образца виднелась немного выцветшая надпись: «Вручить после 1999 года».

– Да уж, совпадение, – весело сказал Мозес.

– А я как удивился, когда мне сказали, что человек с таким именем и фамилией здесь работает, – засмеялся Сергей. – Оно ваше, – юноша протянул письмо, – только у меня просьба. Раз уж так вышло, прочитайте его вслух.

– Вообще-то я работаю, – с сомнением сказал Мозес, но, взглянув на горящие любопытством глаза Сергея, согласился.

Он аккуратно открыл конверт и начал:

– Дорогой Александр.

Прости, я не смог убить Герберта Уэллса. Он оказался очень хорошим юношей. Я рассказал ему о нашем будущем, и он отказался от карьеры ученого. Все понял и решил стать писателем. Если ты не слышал о его книгах, то почитай, у нас они очень популярны.

Теперь обо мне. Я пишу из 1931 года. Сейчас я стар, и умираю. Когда прошел 1888 год, год знаменитого открытия,

я убедился, что Герберт окончательно выбрал карьеру писателя. Я хотел вернуться назад, но устройство не сработало. Для меня это означает лишь одно: история изменилась. Никто так и не изобрел атомарный привод, без которого машина времени не сможет работать. Учитывая, что радиоактивный распад открыли только 1902 году, а ядерную бомбу даже не начали конструировать, я уверен, что твоя затея сработала. Фашисты уже не успеют изобрести и сконструировать бомбу. Поэтому я ухожу спокойно. Я нашел себе прекрасную спутницу. У нас двое чудесных сыновей. Я умираю счастливый. Надеюсь, у вас там все хорошо. Жаль, ты не можешь мне ответить.

С уважением, Глеб.

– Я так и знал, что старик просто спятил, – сказал Сергей со смешком, – ничего не понятно.

– Не думаю, – задумчиво произнес Мозес, – откуда твой пра-пра в 1931 году мог знать о ядерной бомбе? Или это не настоящее письмо?

– Клянусь, настоящее! – поспешил заверить Сергей, – Да, действительно... Я как-то не подумал. Неужели он...

– Давай не будем придавать большого значения письму. Я оставлю его себе на память, оно ведь мое. К тому же хочу кое-что проверить.

– Конечно, как скажете, до свидания.

Юноша ушел, явно озадаченный. А Мозес бережно сложил письмо, положил его в стол и продолжил работу над ато-

марным приводом. Теперь он был уверен, что у него все получится.